

В. И. Рагозин

Волга

От Оки до Камы. Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. И. Рагозин**
Волга: От Оки до Камы. Том 3 / В. И. Рагозин – М.: Книга по Требованию,
2015. – 518 с.

ISBN 978-5-458-01238-6

ISBN 978-5-458-01238-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

бѣлую рубашку (*панарѣ*) довольно красиво вышитую разноцвѣтною бумагою, съ нашитыми (на груди и на плечахъ) и навѣшанными металлическими бляхами, серебряной мелкой монетою и ужовками (родъ мелкихъ раковинъ); края полъ обшивають красною тесьмою; подпоясываются женщины очень низко краснымъ широкимъ поясомъ съ кистями *). Головной уборъ, вродѣ кокошника, у женщинъ низкій съ разными украшеніями; а у дѣвушекъ высокій, перевитый лентами и стеклярусомъ. Шею украшаютъ ожерельемъ (*капча*), къ которому прицѣпляется *каргаужна*, унизанный старинными серебряными деньгами, разноцвѣтнымъ бисеромъ и ужовками; въ ушахъ носятъ серьги (*пилескѣ*), отъ которыхъ идутъ еще подвѣски съ бисеромъ и другими украшеніями; подвѣски эти достигаютъ до плечъ и называются *пилескѣ ергя*. Пальцы мордовки племени Ердзя украшаютъ перстнями и, какъ говоритъ Лепехинъ, онѣ такія щеголихи, что, которія побогаче, ни одного пальца безъ перстня не оставляють; мало того: къ лучшимъ изъ перстней прикрѣпляютъ еще цѣпочки съ серебряными монетами, а нѣтъ серебряныхъ — хоть съ мѣдными.

Религію свою Мордва почти уже утратили и сдѣлались Религія Мордвы. довольно ревностными христіанами. Лѣтъ за 100 до того, какъ писалъ о Мордвѣ Лепехинъ, народъ этотъ сохранялъ еще свою религію; но въ 1681 году состоялся указъ, которымъ повелѣвалось, чтобы Мордва «поискавъ благочестивой христіанской вѣры греческаго закона крестилась *вся*; а какъ она крестится, то ей во всякихъ податяхъ дано будетъ облегченіе на 6-ть лѣтъ; а буде она креститься не похотитъ, то ей сказать, что она отдана будетъ въ помѣстья и вотчины некрещенымъ мурзамъ и Татарамъ». Однако и при Лепехинѣ оставались еще язычники. Онъ говорить о ихъ вѣрѣ, но заодно съ чувашскою, что съ одной стороны лишаетъ возможности отличить у него мордовское отъ чувашскаго, а съ другой показываетъ, что вѣра тѣхъ и другихъ была довольно сходна.

Замѣтимъ, что сходство это можно наблюсти и при срав-

*) Женщины умѣютъ сами ткать довольно красивыя бумажныя ленты на свою одежду; онѣ же сами умѣютъ прочно окрашивать шерстяную пряжу въ черный, зеленый и красный цвѣтъ; при этомъ даже и краску готовятъ сами изъ мѣстныхъ растений: зеленики, серпуха и марены. (*Lycopod. complanat, Serratula tinct. u Galium aparine* или *G. Mollugo* и *G. verum*).

нені религіи мордовской съ черемисскою. Въ нашихъ глазахъ почти несомнѣнно, что первобытный культъ Мордвы (Эрдзянь, Мокшанъ, Терюханъ) Муромы, Мещеры, Черемисъ, Мери и Чувашъ, словомъ, цѣлой группы финскихъ народовъ, былъ совершенно одинъ и тотъ же, и притомъ это былъ—фетишизмъ въ самой грубой формѣ, принимавшій затѣмъ мало по малу болѣе облагороженныя формы политеизма путемъ отвлеченія идеи отъ предмета или цѣлой группы предметовъ и олицетворенія этой идеи въ духъ, божество. Даже можно замѣтить начатки болѣе широкаго отвлеченія и обобщенія (самостоятельнаго или при помощи заимствованій отъ другихъ народовъ), когда изъ сонма боговъ выдѣляются сначала нѣсколько наиболѣе сильныхъ, а потомъ одинъ сильнѣйшій; прочіе же низводятся въ положеніе второстепенныхъ божествъ, и даже еще ниже—просто въ прислужниковъ божествъ или въ положеніе безвреднѣйшихъ, часто бесполезныхъ, ничтожныхъ духовъ, на которыхъ либо не обращается никакого вниманія либо—если духъ можетъ еще по временамъ вредить человѣку—ихъ можно умилостивить, бросивъ имъ обкусокъ блина, пирога и т. п., а не то и просто выгнать палкой.

Такимъ образомъ, въ той позднѣйшей формѣ мордовской религіи, отъ которой только и могли дойти до насъ нѣкоторыя свѣдѣнія, мы наблюдаемъ болѣе высокую ступень религіознаго развитія, нежели на какой стоятъ напр. Черемисы. Хотя о языческой Мордвѣ можно сказать, что у нея было великое множество боговъ, однако не будетъ ошибочнымъ и мнѣніе, что боговъ у нея не очень много. Дѣло въ томъ, что все великое множество боговъ успѣло уже превратиться въ божковъ или мелкихъ духовъ, которымъ и молиться не стоитъ. Осталось всего съ дюжину боговъ; да и изъ нихъ успѣлъ выдѣлиться одинъ, неизмѣримо превосходящій другихъ. Это—верховный владыка и творецъ вселенной—*Чамъ-Пасъ*.

Мордва выработала столь высокое представленіе о *Чамъ-Пасъ*, что считаетъ людей недостойными обращаться къ Богу боговъ ни съ какими личными просьбами; Превѣчный *Чамъ-Пасъ*, сотворившій все, не вмѣшивается ни въ дѣла людей, ни въ разъ и на вѣки неизмѣнно установленный имъ порядокъ вещей во вселенной. Единственное об-

ращеніе къ Чамъ-Пасу, допускаемое Мордвою, это смиренное: «Чамъ-Пасъ, помилуй насъ». Съ этимъ обращеніемъ Мордва относится къ Чамъ-Пасу и въ началъ всѣхъ моленій, обращаемыхъ къ другимъ богамъ. Чамъ-Пасу нѣтъ ни особыхъ праздниковъ, ни жертвоприношеній. Чамъ-Пасъ не имѣетъ ни начала ни конца своего бытія; онъ духъ невидимый, и притомъ не только для людей, но даже и для ѡзаисовъ (соотвѣтствующихъ нашимъ ангеламъ) и даже всѣхъ боговъ.

Потребность же установленія формальныхъ отношеній къ высшимъ силамъ удовлетворяется у Мордвы моленіями, жертвоприношеніями и празднествами другимъ божествамъ, которыя однако также не равны между собою. Мы можемъ представить себѣ всѣ божества, раздѣленными на 5 категорій или чиновъ. Въ первой—только Чамъ-Пасъ; во второй также одно божество—богиня *Анге-Патяй*; въ третьей—нѣсколько другихъ, въ четвертой—Шайтанъ (сатана), въ пятой—все остальное множество подчиненныхъ божковъ и духовъ добрыхъ и злыхъ (послѣднихъ, само собою, можно представлять какъ особую группу или въ одной съ Шайтаномъ).

Объ *Анге-Патяй* Мордва также выработала весьма возвышенное и—если можно сказать—изящное понятіе, которому могли бы позавидовать и древніе Греки и др. народы. Анге-Патяй—единственное божество, созданное самимъ Чамъ-Пасомъ и потому чистѣйшее и величайшее послѣ него. Она же есть высочайшее выраженіе жизни, Природы, красоты, и добродѣтели. Ею все живетъ, начиная отъ человѣка и кончая послѣднимъ насѣкомымъ и послѣднею былинкой. Наконецъ, она же—матерьъ всѣхъ боговъ. Не видать однако, произошли ли эти боги такимъ же антропоморфическимъ способомъ, какъ боги древнихъ Грековъ, или болѣе возвышеннымъ, духовнымъ, таинственнымъ процессомъ. Но, кажется, слѣдуетъ допустить скорѣе послѣднее, такъ какъ Анге-Патяй—вѣчно юная, чистая красавица-дѣва и притомъ высокая покровительница цѣломудрія. Послѣ выполненія главнѣйшей цѣли своей, т. е. животворящей дѣятельности, и по связи съ послѣднею Анге-Патяй является *особенною* покровительницею брака и помощницею при родахъ, она—могущественный и любящій охранитель

жизни и здоровья родильницъ и новорожденныхъ. Она часто (даже, такъ сказать, непрерывно) сходитъ на землю, блюдя за жизнью Природы и также *особенно* любитъ нивы. Самоё Анге-Патяй видѣть нельзя, развѣ только въ видѣ быстролетной тѣни, пролетающей надъ нивами въ ясные лѣтніе дни. Впрочемъ, по временамъ она является во плоти, принимая на себя видъ птицы или видъ престарѣлой, но необыкновенно сильной женщины. Анге-Патяй столь безгранично любитъ проявленіе жизни въ Природѣ, что въ первое время рѣшила было, чтобы женщины и самки всѣхъ тварей производили дѣтей ежедневно; однако, въ виду жалостныхъ моленій женщинъ и самокъ, предоставила рѣшеніе вопроса на ихъ волю. Почти всѣ отказались отъ слишкомъ частаго плодоношенія; только курица, кукушка, пчела и муравья порадовали богиню-мать своимъ согласіемъ. Но и изъ нихъ половина погрѣшила: кукушка — которая была почтена богинею возведеніемъ въ чинъ домашняго животнаго на ряду съ курицею — скоро утомилась частымъ плодоношеніемъ и нарушила обѣщаніе. Анге-Патяй, не взирая на доброту свою, разгнѣвалась на кукушку; впрочемъ гнѣвъ милосердой бошни не повлекъ за собою слишкомъ жестокой кары: кукушка была разжалована въ лѣсныя птицы и въ посрамленіе лишена присвоеннаго птицамъ священнаго права вить гнѣзда. Съ той поры кукушка не перестаетъ пѣть свои тоскливыя пѣсни по утраченыхъ дняхъ счастья и чести. Второю измѣнницею явилась муравья, медовые соты которой не уступали по сладости пчелинымъ. Въ чемъ и какъ было дѣло — обстоятельно неизвѣстно; осталось только смутное преданіе, что одна изъ усерднѣйшихъ матерей міра, самка-муравей, испытала, подобно нашей праматери Евѣ, неодолимую силу соблазна духа тмы Шайтана, который посовѣтовалъ муравьямъ зарывать соты въ землю (вѣроятно, чтобъ не дѣлиться съ человѣкомъ). Надо думать, что за это ему досталось отъ Анге-Патяй, но заплатились и муравьи: вмѣсто душисто-сладкихъ сотовъ они производятъ съ той поры несъѣдобное «муравьиное масло». Но затѣмъ курица и пчела и до нынѣ свято блюдутъ заповѣданный прекрасною Анге-Патяй совѣтъ — плодить какъ можно больше жизни. За то онѣ и почтены и самою Анге-Патяй и человѣкомъ.

Напр., только изъ воска пчелинаго и можно дѣлать священные *штатолы* (свѣточн) и только изъ пчелинаго меда можно готовить священное *пуфе* (питье). Что касается курицы, то, конечно, она почтена не менѣе пчелы, стоя такъ близко къ человѣку въ качествѣ домашней птицы, причемъ, разумѣтся, можно указать на то, что потомство куръ размножилось какъ песокъ морской; кукушекъ же несравненно меньше. Даже то обстоятельство, что въ торжественнѣйшій христіанскій день христіане, привѣтствуя другъ друга, мѣняются эмблемою новой жизни, яйцомъ, — *куруныма*, Мордва, безъ сомнѣнія, истолковала бы въ томъ смыслѣ, что поступать такъ научила сама Божія Матерь, т. е. Анге-Патяй. Мы сейчасъ употребили союзъ *то есть*, конечно, стоя на точкѣ зрѣнія описываемаго народа. Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, до какой степени близко сошлись два понятія; христіанское о пречистой дѣвѣ Маріи и языческое о пречистой дѣвѣ Анге-Патяй. Намъ сдается, что обстоятельство это имѣло могучее вліяніе на легкость усвоенія Мордвою христіанскаго ученія и отсюда на обрусѣніе ея. Мордва быстро отождествила Божию Матерь, дѣву Марію съ божьей матерью, дѣвою Анге-Патяй и вмѣсто «матушка Богородица, дѣва Марія», молились: «матушка Богородица Анге-Патяй.» Кстати замѣтимъ, что самое имя *Анге-Патяй* значитъ *мать богиня*.

Анге-Патяй родила на свѣтъ 8 главныхъ божествъ; изъ нихъ 4—бога и 4—богини.

Вотъ они по старшинству:

I. *Нишки-Пасъ.*

Нишки-Пасъ—богъ неба, Солнца, огня и свѣта. Онъ же покровитель пчелъ, откуда и его названіе (*нишке*—пчельникъ). По всей вѣроятности, въ давнія времена это божество было просто самое Солнце. Вѣроятность эту мы выводимъ изъ того, что Нишки-Пасъ имѣетъ еще другое названіе—*Шижа-Пасъ* или *Ши-Пасъ*, т. е. Солнце, Солнце-богъ. Величается онъ также *Ииче-Пасомъ*, т. е. богомъ-сыномъ.

II. *Свѣтъ-Верешки-Веленъ-Пасъ.*

Свѣтъ—очевидно, предикать позднѣйшаго происхожденія. Верешки-Веленъ-Пасъ—богъ-обладатель земли и устроитель человѣческихъ обществъ (*Веленъ*, сокращ.

вель—міръ, общество; *Верешки*, сокращ. изъ *верь-нишки*—земной, или собственно лѣсной пчельникъ; *верь*—лѣсь).

III. *Назаромъ-Пасъ*.

Это былъ богъ Луны, но́чи и зимы. Онъ принимаетъ души умершихъ и добрыя отсылаетъ старшему изъ боговъ, брату Нишки Пасу, а злыя предаетъ въ вѣдѣніе Шайтана.

IV. *Волцы-Пасъ*—

высшій богъ всего живаго, кромѣ человѣка. Волцы-Пасъ кромѣ того покровитель охоты и рыболовства.

Богини:

V. Нишкенде-Тевтарь (дѣва Нишки)—богиня судьбы и покровительница пчеловодства.

VI. *Норровава-Анаручи*—богиня земледѣлія.

VII. *Пакся-Патля*—богиня - покровительница луговъ и огородовъ.

VIII. *Вѣрля-Патля*—богиня лѣсовъ, дубровъ и деревьевъ. Повидимому, прекрасная Анге-Патля не обошла и родныхъ своихъ дочерей совѣтомъ плодить жизнь: каждая изъ ея дочерей произвела на свѣтъ по одному божеству. Отъ первой изъ нихъ явился:

IX. *Пурга-ине-Пасъ*, значить богъ—сынъ грозы, бури. Онъ же—*Мельказо* (Вѣрги-мучки-Мельказо, т. е. на землю сходящій духъ сына грома).

Отсюда, между прочимъ, наше слово *пурга* и отсюда же, вѣроятно, имя извѣстнаго храбраго мордовскаго князя *Пургаса*.

Отъ второй:

X. *Мастырз-Пасъ* (переводя на славянскій ладъ—Земле-богъ). Этотъ внукъ великой Анге-Патля обладаетъ ниспосылаемою ему долею ея силы: онъ дѣлаетъ землю способною къ произрастенію вообще, но особенно хлѣбовъ и овощей.

XI. Внукъ Анге-Патля, сынъ третьей ея дочери,—богъ водъ—*Ведз-Пасъ* (Водобогъ) или *Ведз-Мастырз-Пасъ*. Ему повинуются моря и рѣки, озера и болота, родники и колодцы.

XII. Четвертый внукъ Анге-Патля, сынъ четвертой ея дочери (богини лѣсовъ и дубровъ), *Варма-Пасъ*—владыка атмосферы, богъ вѣтровъ.

Необъятно-страстная, божественная любовь пречистой

Анге-Патяй къ Жизни не довольствуется произведеніемъ этихъ божествъ. Ея нѣжная, материнская заботливость о каждой твари, о каждомъ цвѣточкѣ или былинкѣ внушаетъ ей постоянныя опасенія за возможность злыхъ умысловъ и покушеній со стороны врага этой божественной Жизни— Шайтана: она какъ будто опасается, что онъ сѣумѣетъ найти время и мѣсто для того, чтобы отравить эту жизнь. И вотъ не знающая устали въ твореніи Анге-Патяй обращается къ самому Чамъ-Пасу съ великою просьбою— дозволить ей твореніе божествъ до предѣловъ, какія она сама сочтетъ крайними. Владыка вселенной даруетъ ей это право и снабжаетъ священными кремнемъ и огнивомъ. Получивъ отъ Чамъ-Паса названные предметы, Ангей-Патяй могучимъ ударомъ производитъ искру божественнаго огня духовной жизни, и изъ нея является прекрасный добрый духъ — ѳзаисъ. За первую искрой вылетаетъ другая, образующая другого ѳзаиса; за другимъ являются третій... пятый... десятый... сотый ѳзаисы. Радостно торжествующая Анге-Патяй далеко еще не видитъ предѣла творенію духовной жизни; святые искры летятъ одна за другой, рождая каждая духа добра ѳзаиса... Ихъ уже трудно сосчитать; ихъ уже явились многіе сонмы; а между тѣмъ являются все новые и новые духи. Не видно имъ конца; не знаетъ предѣла творенію неустанная зиждительница жизни Анге-Патяй. Но когда же — можно спросить— она окончила твореніе духовъ? Отвѣтъ слѣдуетъ тотъ, что она еще не кончила творить... да и не кончитъ никогда. Что касается назначенія добрыхъ ѳзаисовъ, то во первыхъ, безъ сомнѣнія, они сами въ себѣ цѣль и назначеніе. Въ нихъ можно видѣть выраженіе идеи о духовной жизни, наполняющей Вселенную; а затѣмъ каждый ѳзаисъ имѣетъ еще особое специальное назначеніе — быть хранителемъ жизни безъ исключенія каждаго изъ всего безчисленнаго множества созданий Природы: каждое дитя, каждый взрослый человѣкъ, каждый звѣрь, пресмыкающееся, птица, рыба, насекомое, каждое дерево, каждый кустикъ, цвѣтокъ и травинка имѣютъ своего хранителя, духа жизни, ѳзаиса.

Какъ видитъ читатель, это далеко уже не то, что гора— богъ, рѣка— богъ, кошка— богъ, дубъ— богъ, и т. п.! Это именно такой моментъ мировоззрѣнія, въ которомъ чело-

вѣкъ, страстно-любовно относясь къ Природѣ, сильно работаетъ умомъ надъ разрѣшеніемъ тайны бытія и близокъ къ ошибочному или неосшибочному, но во всякомъ случаѣ уже весьма глубокому философскому заключенію, что весь видимый міръ проникнуть животворящимъ духомъ и есть только выраженіе его. Чамъ-Пась—первоначальная Причина, первый импульсъ къ проявленію Жизни; Анге-Патяй—(дочь) животворящая сила его, творецъ безчисленныхъ формъ бытія. Прочіе боги—*дѣти* ея; это, такъ сказать, орудія и вмѣстѣ направленія ея дѣятельности. Они же—ея вниманіе. Замѣтимъ, что никто изъ нихъ не творецъ. Мы сейчасъ говорили о твореніи ѳзаисовъ; но не кто другой, какъ та же Анге-Патяй соизволяетъ и рожденіе людей, животныхъ и растений: въ ея святомъ обиталищѣ, далеко за тучами, въ небесныхъ высяхъ хранятся души не рожденныхъ еще людей, зародыши всевозможныхъ животныхъ и сѣмена всѣхъ разнообразнѣйшихъ растений. Оттуда вѣчно-юная дѣва-богиня изливаетъ на землю благодатную жизнь, то въ видѣ росы, то въ видѣ дождя или снѣга; но самая плодотворнѣйшая форма изліянія жизни, это зарница. Ее даже звали *Заря-ѳзаисъ* и чтили любимѣйшую внучку божественной дѣвы. Эта миловидная посланница, снабженная отъ Анге-Патяй животворящею силою, нерѣдко слетаетъ на Землю, проникаетъ въ ея нѣдра до обиталищъ землехога Мастырѣ-Паса и вручаетъ ему ниспосланную силу, чтобъ онъ могъ ею распорядиться въ цѣляхъ земнаго плодородія, сообщивъ почвѣ всѣ надлежащія свойства. Наконецъ, по временамъ духовная красабогиня является воплощенною красотой въ видѣ большой-большой бѣлой птицы съ длиннымъ, блистающимъ золотомъ хвостомъ, и сама разсыпаетъ изъ своего золотого клюва по полямъ и лугамъ сѣмена растений. Видали ее также бѣлоснѣжною голубкою, разбрасывающею кормъ почтеннымъ ею курамъ и медоносные цвѣты излюбленнымъ пчеламъ. Чаще же всего, какъ мы уже видѣли, она является въ видѣ легкой тѣни и въ это время также сама оплодотворяетъ животный и растительный міръ.

Нѣкоторые изъ ѳзаисовъ выдѣляются по своей важности и по спеціальнымъ назначеніямъ изъ общаго сонма добрыхъ духовъ и имѣютъ свои имена, какъ напр. *Кардасъ-*

Сярко ѓзясъ—духъ домовой, оберегающій живущихъ въ домѣ людей и животныхъ отъ всякаго зла, блюдушій миръ, тишину и согласіе въ семейной жизни; онъ же заботится объ изобиліи всякихъ благъ. Пребываетъ онъ въ срединѣ двора въ углубленіи подъ священнымъ камнемъ, который зовется по имени духа: *нарда-сярко*. У домоваго духа есть помощники, изъ которыхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе (по связи съ нашей славянской мифологіею): *Таунь-сляй* или *Таунь-ѓзясъ*, блюдушій свиней, и *Кельда ѓзясъ* (собственно значить: духъ или божество березы), оберегающій вообще домашній скотъ, а преимущественно любимыхъ богинею Анге-Патяй куръ, овецъ, а также и свиней. Назовемъ пожалуй еще *Ниики-ѓзясовъ*—хранителей пчельниковъ; былъ еще *Пастъ-ѓзясъ*, обязанный хранить посьвы, или напр. духъ покровитель березы, полное имя котораго—*Вечки-Кезъ-Кельди-ѓ*, духъ покровитель дуба—*Тумѓ-ѓзясъ*, липы—*Пешке-ѓзясъ*, сосны—*Пиче-ѓзясъ* и т. д. и т. д.

Но пора наконецъ сказать о Шайтанѣ: откуда явился этотъ могучій духъ зла? неужели онъ произведеніе чистѣйшей дѣвы Анге-Патяй? Нѣтъ; она не могла произвести даже ошибочно врага жизни и мира. Остается догадываться, что его создалъ великій Чамъ-Пасъ. Странно, конечно, что Чамъ-Пасъ могъ не провидѣть результата своего творенія и создать духа, который могъ бы сдѣлаться олицетвореннымъ зломъ. Но замѣчательно, что въ мордовскомъ сказаніи о происхожденіи Шайтана мы замѣчаемъ попытку объяснить явленіе зла въ мірѣ хотя нѣсколько иначе, чѣмъ у многихъ другихъ народовъ, по возможности отстраняя въ этомъ сознательную волю Чамъ-Паса и, не допуская возможности ошибки со стороны всемогущаго и всевѣдущаго. Правда, исходная причина все же онъ, но столь косвенная, что неизощренному уму описываемаго народа, естественно должно было казаться, что Шайтанъ явился самъ собою помимо воли Чамъ-Паса. Именно, повѣствуется, что вначалѣ временъ, когда Чамъ-Пасъ возжелалъ проявить себя въ твореніи, онъ плылъ на камнѣ по безбрежному пространству водъ и размышлялъ такъ: «нѣтъ у меня ни брата, ни товарища, съ кѣмъ бы могъ я посоветоваться о твореніи». Вѣроятно, мысль эта долго

не оставляла его и беспокоила; быть может, думая о томъ же уже не въ первый разъ, онъ, наконецъ, обнаружилъ гнѣвъ свой, плюнувъ на воды. Это было первое и нечаянное твореніе, твореніе подъ вліяніемъ гнѣва. Нельзя было ожидать, чтобы гнѣвъ могъ дать добрый плодъ: слюна сначала обратилась въ огромный бугоръ, слѣдовавшій за Чамъ-Пасомъ. Увидавъ бугоръ, Чамъ-Пась, въ намѣреніи уничтожить его, сталъ ударять по немъ жезломъ; но оказывается, что Чамъ-Пась по существу не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только творцомъ; ударъ былъ вторымъ творческимъ моментомъ, а результатомъ его явилось исполненіе выраженной передъ тѣмъ всемогущей воли — духъ Шайтанъ, рожденный, какъ мы видѣли, отъ гнѣва. Чамъ-Пась принимаетъ его однако милостиво въ сотоварищи по дѣлу творенія какъ духа добраго. Но тутъ и оказывается, что Шайтанъ на каждомъ шагу является или противникомъ намѣреніямъ великаго Чамъ-Паса, или препятствіемъ, или неисполнителемъ вѣдній, или даже самостоятельнымъ творцомъ, изъ рукъ котораго однако выходитъ все злое, нехорошее. Чамъ-Пась увѣщевалъ Шайтана, старался исцѣлить его отъ злаго начала; но какъ это начало составляло самую сущность Шайтана, то Чамъ-Пась вскорѣ же, конечно, увидѣлъ, что Шайтанъ не можетъ быть добрымъ: «нѣтъ, сказалъ онъ Шайтану: ты не можешь быть мнѣ товарищемъ: я *добръ*, а ты *злъ*. Я проклиная тебя. Иди отъ меня въ преисподнюю, терзайся тамъ муками огня на вѣки вѣковъ».

Есть другіе варианты этого сказанія. Мы ихъ не будемъ приводить и обращаемъ вниманіе на ихъ существованіе, какъ на доказательство неоднократныхъ попытокъ въ средѣ Мордвы къ тому или другому объясненію происхожденія Шайтана, олицетворяющаго *зло*.

Изъ безчисленнаго множества различныхъ золъ, причиненныхъ Шайтаномъ, мы остановимся только на трехъ видахъ злыхъ дѣяній.

Первая категорія ихъ относится ко времени творенія земли. Когда Чамъ-Пась далъ первое повелѣніе Шайта-